

РЕЦЕНЗИЯ
на выпускную квалификационную работу обучающегося СПбГУ
_____Апловой Екатерины Сергеевны_____ (ФИО)
по теме __ «Глагольная морфология языка гоо» __

Работа Е. С. Апловой посвящена глагольной морфологии малоописанного языка гоо. Вплоть до 2012 г. гоо официально не имел статуса самостоятельного языка и считался не то «смесью языков тура и дан», не то «диалектом тура, подвергшимся влиянию дан» [Выдрин 2014: 67]. Заслуга описания гоо как отдельного языка в большой степени принадлежит именно Екатерине Сергеевне. Данная выпускная квалификационная работа является очередным вкладом в формирование представлений об устройстве этого языка и его особенностях на фоне близкородственных тура и дан.

Основным материалом для написания работы послужили сведения, самостоятельно собранные автором в ходе лингвистических экспедиций в Кот д'Ивуар в августе-сентябре 2015 г. и в январе 2017 г. Безусловно, уникальность данных, представленных в выпускной квалификационной работе и собранных в непростых полевых условиях в процессе непосредственной работы с носителями языками является одним из важнейших её достоинств.

Тема работы сформулирована достаточно широко, но при этом вполне конкретно — автор берётся описать глагольную морфологию исследуемого языка. В качестве этапов такого описания предстают анализ нефинитных глагольных форм гоо, прономинальных элементов и глагольных конструкций; отдельное место в структуре работы занимает анализ частного случая — конкуренции глагольных конструкций пунктива и перфекта на материале естественных текстов. Таким образом, раскрытию заявленной темы оказываются посвящены по сути две главы: практически одноимённая всей ВКР третья и сравнительно короткая четвёртая. Между тем значительную часть работы — 9 страниц, то есть четверть работы — занимает описание и анализ глагольной морфологии тура и дан. Сравнение глагольной системы гоо с глагольными системами близкородственных языков, безусловно, является одной из важнейших и интереснейших частей работы и заслуживает того, чтобы быть упомянутым в заглавии, хотя бы в скобках.

К сожалению, в работе эксплицитно не сформулированы цели и задачи исследования, что не позволяет адекватно оценить, в какой степени замысел автора был реализован. Однако если предположить, что целью работы было описание особенностей глагольной морфологии гоо в сравнении с генетически близкими языками, а промежуточными задачами — описание инвентаря элементов и структур, использующихся в гоо для выражения значений категорий ТАМ, модальности и полярности, анализ особенностей семантики и функционального распределения глагольных конструкций и сопоставление их с их структурными и семантическими аналогами в тура и дан, можно считать, что автор успешно справился с поставленными целями и задачами.

Некоторые вопросы вызывает структура ключевой, третьей главы. Во-первых, для неспециалиста может показаться удивительным включение в раздел «Глагольная морфология» подраздела «Прономинальные элементы». Те, кто знаком с особенностями языков манде, знают, насколько тесно, иногда почти неразделимо, связаны в этих языках глагол и различного рода прономинальные элементы и какую роль играют последние в выражении таких типично «глагольных» категорий, как время, аспект, модальность, фазовость, полярность. Читатель Екатерины Сергеевны может сделать собственные выводы об этом в ходе знакомства с работой, однако, на мой взгляд, не было бы лишним с самого начала прокомментировать включение этого подраздела в описание.

Во-вторых, Екатерина Сергеевна не объясняет, почему первое место во внутренней структуре раздела отведено нефинитным формам, почему в нём отсутствует ожидаемый

в таком случае подраздел «финитные формы» и можно ли вообще какие-то формы в языке гоо считать финитными (а если да, то какие). Сочетание «финитная форма» в работе ни разу не встречается, что заставляет предположить, что, по мнению автора, необходимости выделять их в этом языке нет. Однако в этом случае становится непонятно, чему и на каком основании противопоставлены «нефинитные формы».

К числу незначительных недостатков структуры приходится отнести и отсутствие выводов в третьем разделе. Возможно, наблюдения о сходствах и различиях глагольных конструкций гоо, с одной стороны, и тура и дан, с другой, стоило перенести из «Заключения» (стр. 41) в конец третьего раздела, посвящённого собственно глагольной морфологии гоо. Отдельные замечания представляются слишком частными для заключительного раздела — более уместны там были бы внутригенетические и общетипологические обобщения.

В своей работе Е. С. Аплонова демонстрирует владение разнообразными техниками сбора полевого материала, умение адаптировать существующую методологию под задачи конкретного исследования; при этом Екатерина Сергеевна отдаёт себе отчёт в достоинствах и недостатках разных методов и тем самым предоставляет читателю максимально объективную картину описываемых явлений. Прекрасное знание актуальной ситуации в изучении языков манде, умение свободно обращаться с материалами других языков и адекватно анализировать их, владение терминологическим аппаратом, в частности, специфическим для мандеистики, свидетельствует о глубокой погружённости Е. С. Аплоновой в проблемы изучаемых языков. Как уже было сказано выше, сопоставление глагольных систем гоо с системами тура и дан, выводящее данный текст на новый качественный уровень, далеко за пределы студенческого диплома, является, на мой взгляд, одним из наиболее важных результатов проведённой автором работы.

Замечательным образцом скрупулёзного исследования особенностей употребления различных глагольных конструкций является представленный в разделе 4 маленький этюд, посвящённый распределению функций пунктива и перфекта. Основываясь на анализе собственного корпуса устных текстов, предварительно размеченного по двум параметрам, автор обнаруживает статистическую корреляцию в выборе видо-временной конструкции и делает предположение о функциональных основаниях этой корреляции. Обидно лишь, что такого подробного анализа удостоились только две глагольные конструкции гоо, хотя понятно, что проведение подобного исследования для других конструкций не просто потребовало бы огромных затрат усилий и времени, но и, скорее всего, было бы в принципе невозможным: отнюдь не все конструкции характерны для нарративов, и даже те конструкции, которые вообще в нарративных текстах возможны, могли оказаться недостаточно частотными в относительно небольшом по объёму корпусе текстов, записанных Е. С. Аплоновой. Хочется при этом отметить, что автор всё же активно привлекает примеры из текстов для иллюстрации таких особенностей употребления конструкций, которые было бы сложно обнаружить при помощи анкет, тем самым в очередной раз подтверждая прекрасное знание языка и своё умение взглянуть на объект изучения с разных точек зрения.

Вообще же анализ грамматической семантики глагольных конструкций, представленный в тексте, хорошо показывает, какой огромный объём работы проделал автор и как значительно продвинулся в изучении языка гоо за столь непродолжительное время. Дело в том, что представленная выпускная квалификационная работа является продолжением курсовой работы Екатерины Сергеевны, где семантика каждой глагольной конструкции описывалась в общих чертах. Работа, проведённая автором как в поле во время сбора материала, так и после него в процессе обработки и анализа собранных данных, позволила уже гораздо более детально охарактеризовать значение каждой конструкции и описать их сочетаемость глаголами разных лексических групп, обстоятельствами времени и т.п.

На фоне впечатляющего владения материалом ещё более заметным становится недостаточность обращения к общелингвистическому теоретическому и типологическому контексту — к сожалению, распространённый недостаток ареальных и внутригенетических исследований, порой излишне замыкающихся на конкретном ареале или родственной группе. При этом не вызывает сомнения, что автор знаком с типологическими работами в изучаемой ею сфере глагольных явлений. Так, на стр. 4–5 Е. С. Аплонова пишет, что для сбора материала были использованы адаптированные ею анкеты О. Даля и А. Б. Шлуинского. Тем обиднее, что полученные Екатериной Сергеевной данные не включаются в типологический контекст и читатель не получает возможности оценить, насколько распространёнными, ожидаемыми или, наоборот, неожиданными, уникальными являются те или иные особенности глагольной морфологии гоо — аналогичные данные были собраны для огромного множества разных языков мира и с учётом доступности этих результатов странно не привлечь их.

Вызывают сомнения или недоумение читателя отдельные фрагменты выпускной квалификационной работы Е. С. Аплоновой. Так, на стр. 6 автор пишет: «Двойные гласные при добавлении суффиксов к глагольной основе становятся краткими: *yà bî* (3SG.PRF пить) - *è bî-á* (3SG.EXI пить\HL-INF1)». Это короткое предложение вызывает целый вопрос. Во-первых, как кажется, в примере на гоо нет «двойного гласного». Во-вторых, непонятно, что же такое «двойной гласный» — долгий гласный? Или что-то другое? В-третьих, неясно, где должны находиться «двойные гласные» в составе глагольной основы, чтобы с ними произошло это сокращение? Только ли на конце основы/корня? Или сокращаются все гласные глагола? Наконец, в-четвёртых, о каких суффиксах идёт речь? Можно предположить, что только о вокалических, но эксплицитно автор об этом ничего не сообщает.

На стр. 7 при перечислении средств выражения глагольных значений автор относит к синтетическим средствам, наряду с суффиксацией, изменения тонального контура, хотя по сути супraseгментные средства выражения значения находятся вне оппозиции аналитического и синтетического.

Кажется неудачным (или, по крайней мере, недостаточно обоснованным) выбор названия «конъюнктивная» для конструкции, использующейся «в различных императивных контекстах, например, для выражения приказа <...> или предложения» (стр. 34), и «отрицательный конъюнктив» для конструкции, выражающей «запрет, исходящий не от говорящего, а третьего лица» (стр. 37). Читатель может только предположить, что своё название конструкции получили по другому употреблению, о котором в тексте ВКР не сообщается.

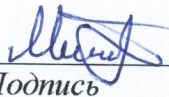
На стр. 22 автор пишет: «Экзистенциальные местоимения 3 л. в переходной конструкции ассимилируются с не-субъектным местоимением 3 л. ед. и меняют свою форму на *yà*». Однако доводов в пользу именно такой трактовки Е. С. Аплонова не приводит; между тем возможна и другая интерпретация: можно считать, что в этой позиции вместо экзистенциальных местоимений употребляются несубъектные местоимения. К тому же остаётся непонятным, идёт ли речь только об экзистенциальных местоимениях ед. ч. или также о местоимениях мн. ч.

К сожалению, общее положительное впечатление от работы портит некоторая небрежность в оформлении текста и языковых примеров. Указание на способ оформления примеров из корпуса текстов даётся на стр. 22, хотя первый пример из текста, оформленный соответствующим образом, Е. С. Аплонова приводит на стр. 20, так что пояснение стоило дать раньше. В тексте есть ссылки на статьи, описание которых отсутствует в библиографическом списке ([Khachaturyan 2010], стр. 38, [Nedjalkov 1988], стр. 32) и наоборот, в списке есть работы, не упоминающиеся в тексте ([Выдрин 2010, 2012; Эрман 2012; Comrie 1976; Khachaturyan 2015, 2016; Nedjalkov 2001; Vydrin 2013]) — последнее обстоятельство, кстати, заставляет иначе оценивать степень привлечения литературы в работе Е. С. Аплоновой. Впрочем, в работе не так много опечаток

(например, на стр. 3, 5, 11, 17, 22, 38, 39, 41) и пунктуационных ошибок (например, на стр. 12, 17, 19, 38). Их можно было бы избежать вовсе, просто перечитав текст ещё раз. Имеются незначительные речевые недочёты (например, «может оформляться как суффиксом *-а* с высоким, так и со сверх-высоким тоном» (стр. 19), вместо нормативного «как с высоким, так и со сверхвысоким тоном»), однако их не много и они не затрудняют восприятие текста.

Несмотря на указанные недостатки, хочется в очередной раз подчеркнуть ценность выпускной квалификационной работы Екатерины Сергеевны как результата самостоятельного исследования на новом материале, заслуга сбора и введения которого в научный оборот также принадлежит самому автору. Таким образом, работа, на мой взгляд, заслуживает самой высокой оценки.

«07» июня 2017г.

Подпись

Мищенко Д.Ф.
ФИО